

Анна Орлова



**ПОЙМАЙ МЕНЯ, ИЛИ МОЯ
ПОЛИЦИЯ МЕНЯ БЕРЕЖЕТ**



В соавторстве с Кирой Измайловой

**ПЯТЫЙ ПОСТУЛАТ
ФУТАРК. ПЕРВЫЙ АТТ
ФУТАРК. ВТОРОЙ АТТ**



Анна Орлова



Поймай меня,
или
Моя полиция
меня бережет

Роман

Москва, 2017
 **ARMA**
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-66

Художник
В. Федоров

Орлова А.

О-66 Поймай меня, или Моя полиция меня бережет: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 344 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2352-1

Грабитель и некромант по кличке Кукольник раз за разом оставляет полицию с носом. На его счету дерзкие кражи, незаконное поднятие зомби и даже похищение незабвенной мадам Цацовой. Неужели ему все сойдет с рук?

Домовой Анна Стравински и следователь Мердок готовы сделать все, чтобы Кукольник получил по заслугам. Ведь наша полиция нас бережет!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анна Орлова, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2352-1

ГЛАВА 1

— Моя не понимать! — тупо твердил зомби, покачиваясь возле раскученного банкомата. — Приказ. Моя исполнить!

И он ткнул себя кулаком в грудь, отчего медная пластина на ней загудела. Вообще-то кроме алхимических символов там должно было стоять имя некроманта, но этого мертвяка подняли явно не слишком законопослушные граждане, которые позаботились о том, чтобы не оставить после себя лишних улик.

— Кто приказал? — вздохнув, еще раз попробовала я.

— Хозяин! — послушно, но абсолютно неинформативно ответил зомби.

Фу, как же муторно допрашивать мертвых! Нас этому, само собой, учили. Только как по мне, для этого нужны или особые способности, или напрочь вывихнутые мозги.

Я промучилась с ним добрый час, но так и не выяснила ни примет, ни обстоятельств, ни даже имени загадочного хозяина. Хотя другого не стоило и ждать. За Кукольникком, как его прозвали в газетах, наши гонялись уже без малого месяц.

Кукольник умудрился делать зомби очень похожими на живых людей. Даже постовые не могли с ходу их вычислить, а у них глаз наметан! Мертвые куклы грабили банки или, как этот, тупо выдирали банкоматы «с мясом». Спланировано все было мастерски. Настолько, что мой зомби оказался первым, кого поймали за руку.

Теперь мне светила как минимум премия.

Хотя я не обольщалась — мне попросту крупно повезло.

Я проводила с семейством горных троллей разъяснительную работу о вреде пьянства: те с перепою вспомнили традиции предков и попытались силком напоить соседку, призывавшую их к порядку. В общем, вечер выдался тот еще. Зато тролли засекли странного человека у банкомата, а потом под моим руководством его и заломали...

Теперь мы сидели в кухне тех самых троллей. Кофе в стоявшей передо мной чашке давно остыл (на адреналине спать совсем не хотелось), и я тщетно пыталась добиться от тупого мертвяка хоть чего-то путного.

— Бесполезно, — наконец простонала я и уронила голову на руки.

— Рад, что вы это понимаете, домовой Стравински, — раздался сзади знакомый бархатистый голос. — Ваше рвение похвально, но, очевидно, чрезмерно.

Меня словно ледяной водой окатили.

— Следователь Мердок? Что вы тут... какими судьбами?

Высокий темноволосый мужчина в идеально отглаженном костюме светски улыбнулся и склонил голову.

— Полагаю, вашими молитвами, Стравински! — хмыкнул он, обходя по кругу замершего зомби. — Соседи вызвали.

И кивком указал на несостоявшуюся жертву тролльего угощения, за спиной которой возвышалась колоритная мадам Цацуева — пламенный борец за справедливость. Бабка Марья чуть ли не подпрыгивала от любопытства, зато мадам Цацуева отчего-то выглядела бледной и напряженной.

Я мстительно прищурилась и одернула форменную юбку. Ничего, я им все припомню, не будь я домовой!

К слову, домовой — это не раса, а должность. Надзираю за порядком и соблюдением правил добрососедства в нескольких десятках домов.

— Благодарю, домовой Стравински. В ваших услугах я более не нуждаюсь, — рассеянно бросил следователь, заставляя зомби открыть рот. И что он там ищет?!

Но приказ прозвучал недвусмысленно, пришлось убираться восвояси. Прощай, премия! Прощай, подарок бабуле. А я так хотела преподнести ей новую пепельницу... уже и череп почти выпросила!

Старой служили останки моего непутевого папаши, но это уже совсем другая история...

Проснулась я рано. Точнее, с огромным трудом разлепила глаза под аккомпанемент доносящегося с первого этажа пения и грохота кастрюль.

Я нащупала на столике будильник, всмотрелась в расплывающийся циферблат... и со стоном уронила голову на подушку. Полвосьмого! Придушу сестренку!

Спать дальше под фальшивые завывания снизу я не могла, так что пришлось находить на ощупь халат и спускаться вниз.

— Роза! — окликнула я улыбающуюся брюнетку, которая в темпе вальса порхала вокруг дымящегося котла, по одному бросая в него какие-то подозрительные косточки. — Сколько можно тебя просить! Не устраивай шабаши по утрам, а?

— Ой. — Роза (точнее, Розамунда, но это имя она терпеть не могла) прикрыла ладошкой ротик и выронила кости в котел. Плюхнуло, плеснуло ядовито-розовым, и завоняло тухлятиной. — Ну вот! Ты все испортила!

Прекрасные глаза Розы набухли слезами.

Я махнула рукой — все равно ее не переделаешь, неисправимый жаворонок! — и принялась варить себе кофе. Запах мне не мешал — и не к такому привыкла. В лежбищах упырей вонь похлеще, а я к ней еще на стажировке принялась.

Роза надулась, но я не собиралась каяться. Просила же — до девяти никакого волшебства!

— Ну у меня вдохновение! — чуть виновато объяснила она, распахивая форточку. — Ты же знаешь! Нам вчера задали такую скучищу! А я подумала, что можно кое-что подправить... и вот!

Она кивнула на «присмирившее» зелье, которое теперь источало шоколадный аромат и выглядело подозрительно розовым, как клубнично-сливочный мусс.

— Ага, — кивнула я, переставляя турку на подставку. — И почему-то обязательно утром!

— Ну-у... — Она опустила долу дивные зеленые очи и попыталась изобразить сущую невинность.

Мужчины верили. Я же знала сестренку (если быть точной — единоутробную сестру) все ее семнадцать лет, а потому иллюзий не питала. Увлекающаяся она натура, в отличие от меня. Хотя мне и лет побольше — двадцать пять недавно стукнуло.

Впрочем, мы вообще являли собой противоположности. Она — жаворонок, я — сова. Она — жгучая брюнетка с зелеными глазами, я — голубоглазая блондинка. Она — будущий дипломированный фармацевт-зельевар, я... Но об этом я уже говорила.

— Да! — вспомнила Роза. — Тебе же посылка! От тако-о-го очаровашки!

Она хлопнула длиннющими ресницами и прижала ладони к пышной груди.

Вот что у нас с ней было похоже, так это бюсты четвертого размера. Только Роза упаковывала свой в интригующие декольте, а я лишь обреченно ругалась, когда форменный китель ни в какую не желал застегиваться на этом богатстве.

— Мне? — удивилась я, отпивая обжигающе горячий кофе.

— Тебе! — Роза добыла откуда-то небольшой сверток. — Вот, смотри, тут написано: «Анне Стравински». Это от поклонника, да?

А еще Роза ужасно романтична, что временами действует на нервы.

— И правда мне, — с недоумением согласилась я и неохотно отставила кофе.

Почерк аккуратный, внутри ничего не тикает...

Я перерезала бечевку и осторожно размотала пергамент.

— Ой! Прелесть какая! — восторженно взвизгнула Роза, всплеснув руками. — Кукла! И цветок!

Очаровательная вещица: изящная светловолосая девочка, сделанная с большим тщанием и вкусом. Только вот к рукам и ногам куклы были привязаны веревочки...

— Опиши, пожалуйста, этого «очаровашку», — сдержанно попросила я, прервав восторги сестры. — А лучше поехали со мной, составим фоторобот.

Хотя я сомневалась, что визитом нас почтил лично даритель.

Приколотая к цветку карточка гласила: «Прекрасной даме от Кукольника», а Кукольник вряд ли так глупо подставится. Скорее всего посылку передал банальный курьер, но отработать следовало все варианты.

Роза добросовестно перечислила приметы, а потом с помощью нашего штатного художника соорудила портрет.

Судя по описанию, этого юношу я бы очаровательным не назвала — слишком миловиден и слащав. Прилизанные блондинистые волосы, тонкие черты лица, круглые щечки, тонкие пальцы, да еще и «трогательная» субтильность... Одет он был соответственно, во что-то с «фестончиками», как выразилась Роза.

Художник кивнул понимающе, а следователь Мердок, взглянув ему через плечо, прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Пупс в рюшах, а не мужчина!

Кстати, Мердок на очаровашку походил больше. Я украдкой залюбовалась статьями доблестного следователя. Сволочь он, конечно, первосортная, но хорош! Плечи широкие, попа с кулачок, как говорит бабуля, хоть это и явное преувеличение, густые темные кудри касаются воротничка...

— Стравински! — не оборачиваясь, обратился он. — Можете, поведаете нам, зачем вы столь пристально меня разглядываете?

Я чуть покраснела (и как только почувял?) и откликнулась почтительно:

— Учусь составлять словесные портреты, господин следователь!

Он оглянулся и поинтересовался:

— И каковы успехи, домовый?

Я выпрямилась и отчеканила, глядя мимо него:

— Мужчина, человек, возраст тридцать пять — тридцать семь лет, рост около метра восьмидесяти пяти, телосложение спортивное, глаза и волосы темные.

— Как? И это все? — Мердок с сожалением покачал головой. — Полагаю, вам следует больше тренироваться, домовый!

— Приложу все усилия! — пообещала я, преданно пожирая начальство глазами.

Точнее, моим прямым начальником он не был, но неприязностей мог доставить массу. Кстати!

— Разрешите обратиться? — продолжила я.

Роза за его спиной округлила глаза, и я раздраженно дернула плечом.

О работе я стараюсь дома не распространяться. Не хватало только, чтобы Роза загремела в «обезьянник» на пятнадцать суток за мелкое вредительство! С нее случилось бы напасть тому же Мердоку, а фантазия у Розочки неистощима.

Сестра подняла голову и заговорщицки мне подмигнула. Я чуть не застонала вслух: только этого не хватало! От попыток устроить мою личную жизнь, периодически предпринимаемых то бабулей, то сестренкой, хотелось лезть на стенку и швыряться тяжелыми тупыми предметами. Но толку-то?

Мердок вежливо открыл дверь и пропустил меня вперед.

Для частного разговора лучше всего подходила черная лестница. По местным легендам, через нее в отделение прово-

дили незаконно задержанных, чтобы не светить их на записывающем кристалле и в журнале регистрации.

А еще сотрудники могли здесь травануться ударной дозой никотина, чем я и занялась, остановившись у окна между пролетами. Кто-то даже заботливо оставил тут пепельницу и спички.

— Стравински, — Мердок поморщился и распахнул окно, — не понимаю, зачем вы добровольно употребляете яд?

— Все, что приятно, или незаконно, или аморально, или ведет к ожирению, — хмыкнув, парировала я и с удовольствием затынулась.

Неодобрение на холеном лице следователя того стоило. Логичные доводы (вроде бабулиного «курение вредно для цвета лица и зубов», хотя ей самой это не мешало иногда побаловаться сигарой) я понимала и даже принимала, а вот морализаторство терпеть не могла.

Зато Мердок прославился на весь райотдел правильностью и следованием каждой букве закона. Раньше мы разве что на оперативках пересекались, но, пообщавшись с ним вплотную, я убедилась, что слухи не врут.

— Вы именно это желали обсудить? — осведомился Мердок, отодвинувшись.

— Нет. — Я сообразила, что не стоит его злить, и затушила сигарету. — Господин следователь, вы включите меня в свою группу?

— С какой стати? — Он поднял темную бровь. — Вы домовой, Стравински, вот и занимайтесь своими улицами. Если не ошибаюсь, за вами закреплены Абрикосовая, Виноградная и Тенистая?

— Именно, — вздохнула я, досадуя. Работу свою я любила, но следователи относились к таким, как я, с изрядной долей пренебрежения. Еще бы, что значат мелкие бытовые правонарушения в сравнении с убийствами и разбоями? — Но Кукольник явно обратил на меня внимание. По-моему, стоит это использовать.

Мердок как-то странно на меня посмотрел:

— Стравински, скажите откровенно, какой резон вам в это вмешиваться?

— Ради профессионального роста! — отчеканила я, глядя прямо в его внимательные карие глаза. — И ради премии, конечно.

Хотели откровенности — получите!

— Стравински, — помолчав, проронил следователь, — я непременно отмечу в отчете ваше рвение и выпишу вам премию. Только не ввязывайтесь в эту историю, договорились?

— Почему? — Я почти обиделась.

Мердок одернул белоснежные манжеты рубашки, поправил галстук и наконец сказал:

— Я не вправе рисковать вашей очаровательной головкой, Стравински! — И прежде чем я успела переварить неожиданный комплимент, мой собеседник все испортил: — Едва ли ваша бабушка будет мне признательна за неоправданный риск.

— Да уж. — Я поморщилась, но возразить было нечего. Бабуля страшна в гневе!

— Поэтому, домовой Стравински, — наставительно продолжил Мердок, — извольте забыть о Кукольнице. Кстати, вы верите в кого-нибудь из богов?

— Да, — призналась я, сбита с толку неожиданной переменной темы. — В Того, Кого Нельзя Называть. Для краткости — Неназываемого. А что?

— Почему нельзя? — почти по-человечески удивился Мердок. Похоже, об этом культе он слышал впервые. Хотя немудрено, ведь в нашей империи только зарегистрированных религий больше двухсот. — В этом случае произойдут какие-нибудь несчастья?

— Нет, — хмыкнула я. — Просто Кодекс об административных правонарушениях запрещает нецензурную брань в общественных местах.

— Весьма похвально, Стравински, — отозвался Мердок серьезно. — Столь уважительное отношение к закону я горячо одобряю.

И все-таки он зануда!

— Благодарю, господин следователь! — откликнулась я, из последних сил удерживая серьезную мину. — Польщена вашей высокой оценкой.

Кажется, это заразно. Высокий слог и не менее высокие принципы. Вот только что он делает с ними в полиции?!

«Надо сегодня заглянуть к троллям, — решила я. — Поблагодарить за помощь, а заодно проветрить мозги от лишнего пафоса».

Мердок прошелся вдоль окна, отвернулся, заложив руки за спину.

— Позвольте личный вопрос? — вдруг спросил он.

«Валяйте!» — едва не ляпнула я (все же бабуля права в одном — постоянное общение с противоправными элементами сильно обедняет лексикон!), но вовремя одумалась.

А, пропадать — так с музыкой! И я вновь вынула сигареты.

— Задавайте.

Мердок обернулся и внимательно посмотрел на меня:

— Если вашего бога нельзя называть, то как же вы ему молитесь?

С минуту я переваривала этот неожиданный вопрос, делая вид, что прикуриваю.

Затянулась и сказала честно:

— А зачем ему молиться? Я просто верю, что он есть. А рассчитывать стоит только на себя.

— О. — После паузы следователь повторил: — Весьма похвально.

Я молча курила, и Мердок, поморщившись, продолжил нетерпеливо:

— Полагаю, на этом все, Стравински? Можете быть свободны. Если не ошибаюсь, у вас сегодня выходной?

— Не ошибаетесь, господин следователь, — ответила я, боясь с желанием выдохнуть дым прямо ему в лицо.

— Тогда до свидания, домовой Стравински! — церемонно произнес он и вежливо наклонил голову.

— До свидания, следователь Мердок! — в тон ему откликнулась я.

Ну почему если мужчина красавец, то совершенно невыносим?

После его ухода я уже без особого удовольствия докурила и отправилась вызволять Розу из лап художника.

Хотя, судя по тому, как пунцовели его уши и блестели глаза, вызволять следовало беднягу Роббинса.

Сестренка в легком ситцевом платье смотрелась в дежурке как отличница в детской комнате полиции.

Я остановилась на пороге, решив понаблюдать за представлением.

На столе перед Розой стояла чашка чая, блюдце с трогательным одиноким печеньцем и даже чахлый бутон (похоже, с ближайшей клумбы) в пивной банке. А Роббинс нес какую-то чушь о том, что Роза настоящий цветок, способный укра-

сией собой даже эти казенные стены, и просил ее позировать для портрета.

— Знали бы вы, как мне надоело рисовать эти уголовные рожи! — вещал он с чувством. — А ваше милое лицо... и фигура...

Роза краснела и хлопала длиннющими ресницами — то ли ради тренировки, то ли действительно смутившись.

— Надеюсь, вы в курсе, что моя сестра несовершеннолетняя? — напомнила я негромко.

Роббинс дернулся, ойкнул, опрокинул стакан с карандашами, засуетился...

Роза послала мне укоризненный взгляд и наклонилась, помогая ему собрать рассыпавшиеся мелочи.

Бедняга-художник совсем растерялся, так близко узрев роскошный бюст Розы. Он машинально пытался собрать карандаши, но сложно делать это не глядя, а оторваться от пленительного зрелища он был не в силах.

— Роза! — не выдержала я этого издевательства. — Пойдем. У меня еще куча дел.

Она послушно встала, а у Роббинса сделалось такое лицо, будто он вот-вот заплачет.

— Мы как-нибудь еще заглянем, — пообещала я, сжавшись. — Проведу экскурсию. Ну и вдруг опознавать придется?

— О! — Лицо художника просветлело. — Конечно-конечно! Буду ждать. Вот.

И проводил Розочку влюбленным взглядом...

— Зачем было его очаровывать? — вздохнула я, выйдя на крыльцо.

— Мне было скучно, — надула губы сестра. — Ты ушла с этим следователем и... Кстати, а он милашка!

Не сдержавшись, я фыркнула. «Милашка», надо же!

— Не заметила, — сдержанно ответила я.

— Ну как же! — Роза округлила зеленые глаза и сложила руки перед грудью. Конвоиры, впихивающие задержанного в «воронок», застыли как околдованные. — У него такие глаза! Такие теплые, завораживающие, бархатные, и цвет... Как трюфеля, вот!

Роза мечтательно улыбнулась, и задержанный длинно присвистнул, а конвоиры едва не закапали слюной тротуар.

— Ой! — Сестренка опомнилась и преувеличенно смущенно потупилась. — Извини, оно само как-то получается.

Я только вздохнула. По правде говоря, Роза действительно не виновата. Если уж кто и виноват, так это мама, хотя сама она считает, что ей просто не везло в любви...

Отправив сестру домой, я решила сделать обход. Собираюсь ведь навестить троллей, а заодно заглянуть к тихому алкоголику-водяному, проведать лежачую бабулю Сабрину, выяснить, как дела у Волосатой Мэг...

Я с удовольствием прошлась по знакомым улочкам. Есть какая-то неизбывная прелесть в частном секторе. Каждый дом, каждый участок имеют свой характер. Они не выстроены по ранжиру, не выдержаны в одном стиле — пестрые, своеобразные, в разноцветье садов и цветников. Настоящий оазис сонной сельской жизни посреди шумного промышленного города...

На пересечении Абрикосовой и Виноградной пристроился небольшой круглосуточный магазинчик со всякой ерундой (а заодно и с куда более востребованным алкоголем) и банкоматом, который уже прилепили на место. Только пятна свежей штукатурки выдавали недавние события.

Я доброжелательно поздоровалась с курящей на крыльце дебелий продавщицей, которая при виде меня попыталась изобразить саму невинность. Можно подумать, я не в курсе, что она продает самогон! Но поймать за руку ушлую продавщицу никак не удавалось. Да я и не сильно старалась, зная, что свято место пусто не бывает.

А вот на другие нарушения я глаза не закрывала и потому напомнила о давнем грешке:

— Надеюсь, больше вы алкоголь несовершеннолетним не продаете, Ника?

— Ни-ни! — вытаращилась она. — Чтоб мне лопнуть! Одного штрафа мне за глаза!

Я улыбнулась и вдруг поняла, что напрочь кое о чем позабыла:

— Более-менее приличный торт есть?

— Уж извиняйте. — Ника развела руками. — Ни тортов, ни пирожных не держим. Портятся быстро. Печенье хотите?

— Хм. — Печенье мне не подходило, и я спросила со слабой надеждой: — Шоколад? Конфеты?

— Не-а. — Для убедительности продавщица покачала лобастой головой и вдруг просветлела: — Мороженое есть! Хорошее. Хотите?

— Ну... — Я заколебалась, потом махнула рукой: — Ладно, давайте.

Хм, зато оригинально!

Дом троллей больше походил на грудку разновеликих камней в окружении хмурых елей. Звонка у них сроду не было, так что пришлось по старинке кричать от калитки:

— Хозяева! Эй, хозяева!

Голос у меня звонкий, к тому же сразу отозвались все окрестные собаки.

— Чего надо? — недовольно откликнулся кто-то из глубины дома. — Кого принесло?

Горным троллям яркий солнечный свет не особо приятен, так что я не удивилась, что никто не вышел меня встречать.

— Анна Стравински! — крикнула я как можно громче. — Домовой!

— Ой! — Обитатель дома засмутился и умолк. Потом опасливо уточнил: — А что мы сделали-то? Мы тихо!

— Ничего. — Я улыбнулась, сообразив, что мой визит сочли следствием очередной жалобы мадам Цацуевой. Кстати, надо ее тоже проведать как-нибудь. — Я поблагодарить пришла!

— Чего?! — не поверили мне.

— Спасибо сказать! — уже нетерпеливо крикнула я. Переминаясь перед калиткой надоело, к тому же мало приятного в том, чтобы торчать на солнцепеке. — За того зомби!

Кажется, теперь тролли всерьез озадачились.

— Ну заходите тогда, — хрипло разрешил старший, Грендель.

Я осторожно толкнула калитку и направилась к дому, обитатели которого расположились на бревнышке в тени деревьев. Вместо стола они приспособили здоровенный валун, так что отдыхали даже с удобством.

— Спасибо вам, — сказала я серьезно. — Вы мне очень помогли.

— Пожалуйста, — вежливо прогудел воспитанный младший, Хельги.

— Да что уж там! — отмахнулся старший. — Мы ж того... завсегда!

Троль-мама только одернула замызганный передник и отрывисто кивнула.

— Вот, это вам от меня. — Наклонившись, я положила на камень пакет. — Понимаю, что вы больше обрадовались бы алкоголю, но...

Я развела руками. Нельзя поощрять пьянство, тем более что младший, по их меркам, еще несовершеннолетний (именно за продажу водки ему я упрекнула продавщицу).

— Да мы понимаем, — хмыкнул старший и кивком разрешил младшему взять подарок.

— Ой! — совсем по-детски обрадовался Хельги, обнаружив внутри уже чуть подтаявшее мороженое. — Нам?!

И посмотрел с такой надеждой, что мне стало неудобно.

— Вам. — Я отступила, чтобы их не смущать. — Спасибо еще раз и до свидания!

Напоследок я была вознаграждена сюрреалистическим зрелищем: три великана с рожками в лапах аккуратно лизут холодное лакомство...

Все еще посмеиваясь, я направилась дальше.

Путь мой лежал сначала к водяному, проживающему в пятом доме по улице Абрикосовой. Хотя дома как такового не было: домовладение состояло из пруда под сенью двух ив и старой пляжной кабинки.

В искусственном водоеме жильца не оказалось. Конечно, он мог прятаться в придонном иле (вода была мутной и пованивала тиной), но я его уже знала.

— Ихтиар! — позвала я, остановившись в тени ивы. Солнце уже ощутимо припекало. — Вы дома?

Вопрос был риторический.

— Конечно, — проворчал водяной, не показываясь на глаза. В дальнем углу участка, за кабинкой, прямо в землю была вкопана старая чугунная ванна. Наверняка он прятался именно там. — Где мне еще быть? Мне же некуда пойти! Таких, как я, нигде не жалуют...

Я тихо вздохнула и закатила глаза. Так и знала — водяной снова «нырнул в омут отчаяния», как он это называл, когда на него находил поэтический слог. А по-моему, это тривиальный запой.

Нужно его подбодрить и развлечь.

Домовые ведь не только за порядком присматривают! Мы и конфликты решаем, и признания выслушиваем, и советы даем. К нам бегут со всеми заботами — хоть котенок на дереве застрял, хоть сосед по утрам шумит перфоратором, хоть сестры жениха не поделили...

— Что вы говорите! — запротестовала я привычно. — Я ведь не раз приносила вам приглашения. Вас звали в аквапарк, а еще предлагали работу сторожа в городском пруду. Вы же имеете право на трудоустройство по программе адаптации малых волшебных народов!

Когда-то мы, люди, незванными гостями пришли в эти земли — и за неполную сотню лет вытеснили или перебили прежних хозяев. Зато последние полвека активно каемся и рвем на себе волосы, так что их теперь даже на госслужбу охотно берут.

Поймав себя на этом «мы, люди», я хмыкнула. Все же воспитание сильнее крови.

— Глупости! — Он душераздирающе вздохнул, плеснула вода, и наконец из-за ивы выглянул коренастый мужчина с длинными спутанными волосами. — Я одинок! Да, одинок... Даже поговорить не с кем! И выпить...

Водяной с надеждой посмотрел на меня.

На нем были только семейные трусы в цветочек — уступка мадам Цацовой, которая строчила жалобы во все инстанции, требуя оградить от непристойного зрелища женщин и невинных детей.

— Охотно поболтаю с вами, — улыбнулась я. — А насчет алкоголя сами понимаете.

— Понимаю, — вздохнул Ихтиар. — Опять с лягушками пить, эх!

Он забросал меня жалобами на жизнь, одиночество и неустроенность. Хотя как по мне, это служило лишь оправданием банального бытового пьянства.

Впрочем, Ихтиар был просто тихий алкоголик, соседей не терроризировал, ночами не буянил.

Он быстро переключился на воспоминания, а рассказывал он очень увлекательно — о морских приключениях, бурях и пиратах, так что время пролетело незаметно.

— Как, уже?! — огорчился водяной, когда я начала прощаться.

— Простите, — развела руками я. — Служба. И насчет жалобы в санэпидстанцию не беспокойтесь. Они просто возьмут пробы.

— Да понятно, — вздохнул Ихтиар. — Но это ж надо придумать — холера в моей воде!

И погрозил кулаком в сторону соседнего дома, где жила завзятая клязница мадам Цацова (сама она считала себя правдолюбом).

После моего ухода водяной наверняка плеснет в свою ванну литр-другой спирта (когда-то он употреблял исключительно ром, но теперь поиздержался) и тихо в ней уснет...

И все же сейчас он накачивается выпивкой намного реже, да и за порядком на участке следит. Я пыталась уговорить Ихтиара устроиться на работу, но пока тщетно.

Жаловаться на жизнь ему нравилось больше.

Ох, и нелегкая наша работа...

Далее я ненадолго заглянула к бабуле Сабрине — древней ведьме, больше похожей на высохший скелет.

Несмотря на усилия соцработников, в ее доме витал сладковатый душок разложения, так что дышать я старалась ртом.

И не скажешь, что в этом немощном теле таится такая ведьминская сила! Именно она не давала бабуле Сабрине почитать с миром. По правилам требовалось передать ее преемнице, но у бабули никого из родни не осталось, а чужую кровь сила не принимала.

Вроде бы у нее имелись троюродные племянницы, но пока поиски успехом не увенчались.

— Ничего? — спросила сердобольная соседка, провожая меня до калитки.

Соцработники заходили два раза в неделю, а в остальное время за бабулей Сабриной присматривала эта тихая женщина предпенсионного возраста.

— Увы. — Я развела руками. — Но надежда еще есть. Это ведь долгая процедура — запросы, ответы...

— Да я понимаю, — вздохнула соседка. — Но жалко ее, бедолажную!

Что на это сказать?..

Мадам Цацуева дверь не открыла, явно чуя неприятности на свои нижние сто девяносто.

В списке у меня осталась еще Волосатая Мэг, пожилая брауни, которая в юности эмигрировала вместе с тремя буйными братьями из клана Маккаудов. Беглые шотландцы осели в нашем тогда еще крошечном городке, но счастья и богатства не нажили. Видимо, слухи о наложенном на них проклятии имели рациональное зерно.

Хотя дом они отгрохали роскошный — двухэтажный, добротный, теплый и удобный.

Последний из клана умер около года назад, дальние родственники все никак не могли поделить наследство, и теперь

дом ветшал, а бедная брауни совсем затосковала в одиночестве.

Я старалась заглядывать к ней почаще, пытаюсь хоть немного скрасить ее грустную жизнь.

Задумавшись об этом, я и сама не заметила, как оказалась у нужного дома, возле которого сустились люди с ящиками и баулами.

Так, а это еще что такое?! Неужели грабители? А я, как на-зло, без табельного оружия!

«А как же Волосатая Мэг?!» — Я всерьез заволновалась, зная, что домашний дух ни за что не позволит кому-либо по-святнуть на хозяйский скарб.

Присмотревшись, я успокоилась — имущество не выноси-ли, а наоборот. Похоже, у дома наконец появился новый хо-зяин.

— Чего надо? Проходи уже! — грубо окликнул меня дюжий мужик в спецовке и вытер рукавом катящийся градом пот.

Майское солнце совсем раздухарилось, а по такой жаре таскать тяжеленные коробки — удовольствия мало.

— Домовой Стравински! — представилась я, привычно махнув удостоверением. — Кто у вас старший?

— Ну я старший. — Приязни во взгляде грузчика не приба-вилось. — Только вам того, к хозяину надо.

— А где он? — Я не стала спорить.

— Да там, во дворе, — махнул рукой он.

Кто-то из грузчиков едва не уронил зеркало, и старший об-рушил на его голову такой поток брани, что я только уважи-тельно покачала головой.

Может, и стоило бы оштрафовать его за сквернословие, но это было бы кощунством.

Улыбаясь, я прошла в знакомый двор, где на качелях под старым абрикосом сидел мужчина, который при моем появле-нии поднял голову.

И, встретившись с ним глазами, я едва не помянула вслух Неназываемого.

Только бы бабуля не узнала!

— Здравствуйте, — вежливо произнес он, растянув в улыб-ке тонкие яркие губы, словно перепачканные вишневым со-ком. — Чему обязан вашему визиту?

Если не присматриваться, то за исключением странного цвета губ выглядел мужчина вполне обычно: высокий, темно-волосый, плечистый, в темно-синей футболке и почти такого

же оттенка джинсах. Поэтому манеры, больше уместные на каком-нибудь приеме, казались изощренной насмешкой.

«Еще один, — с досадой подумала я. — Их что, на специальных курсах учат изъясняться таким слогом?»

Вслух, конечно, я произнесла иное:

— Доброго дня. Я местный домовый. А вы, насколько понимаю, новый хозяин дома?

Сбить себя с толку он не дал — поднялся, шагнул вперед и переспросил по-прежнему вежливо:

— Домовой? Госпожа?..

— Домовой Стравински, — обреченно назвалась я, вынимая удостоверение.

Надеюсь, Волосатая Мэг с ним уживется и мне не придется больше сюда ходить.

— Очень приятно. — Незнакомец безупречно светски поклонился и представился: — Моя фамилия Ярый. А вы... Стравински? Это от «остров»?

Я подавила вздох. Глупо было надеяться, что он не поймет.

— Именно, — сдержанно подтвердила я и добавила с нажимом: — Но здесь и сейчас — домовый Стравински!

— Как хотите, — пожал плечами Ярый, беззастенчиво меня разглядывая. — Простите, у меня еще масса дел.

— Конечно, — с облегчением ответила я. — Не буду отвлекать. И поздравляю с новосельем.

Он только кивнул в ответ и скрылся в доме.

На этом обход я посчитала законченным и решила пройтись домой пешком.

Слишком много событий: Кукольник, посылка, этот господин Ярый...

Общая картина не складывалась, распадалась на отдельные фрагменты, и я оставила это глупое занятие.

В конце концов, какое мне дело? Пусть Мердок сам расследует дело Кукольника, а господин Ярый вообще пока никаких неприятностей не доставил.

Будем решать проблемы по мере их поступления!

Все частные дома индивидуальны, зато все казенные помещения похожи друг на друга.

Эта сентенция крутилась в моей голове следующим утром.

Несмотря на все попытки начальника РОВД придать своему кабинету лоск, помещение выглядело безнадежно унылым, безликим и неудобным. Хотя сложно ожидать иного от

обстановки, в которой сочетались оттенки серого и коричневого.

Оперативка выдалась бурной. Обычно домовых и следствие инструктировали отдельно (а нас еще и далеко не каждый день), но в этот раз собрали всех вместе.

Вскоре стало ясно почему.

Начальник райотдела, полковник Чандлер, негодовал и стучал кулаком по столу: накануне вечером Кукольник совершил очередное дерзкое преступление.

На этот раз ограблению подвергся ювелирный магазин, который лишился десятка ожерелий и почти сотни колец. Стоимость похищенного заставляла Чандлера биться в эпилептическом припадке. Еще бы, снова пострадал наш район!

Городской отдел не горел желанием взваливать на себя такое ярмо. На таких историях можно либо получить внеочередные погоны, либо лишиться своих, и пока все указывало на последний вариант.

Так что на нас тут же радостно спихнули расследование всех краж Кукольника. Еще бы, второй кряду эпизод в нашем районе! А раньше Кукольник объявлялся раз в неделю.

Меня пока начальственный гнев не коснулся. Сначала шеф песочил Мердока, который воспринял выволочку с поистине нордическим хладнокровием.

— Может, у вас есть план, Мердок? — вопрошал полковник, рыжеволосый краснолицый оборотень с квадратной фигурой и манерой орать так, что стекла дрожали. Кажется, по второму облику он питбуль (хватка уж точно та же!) Он многозначительно обвел взглядом подчиненных, но все отводили глаза — никто не хотел высовываться. — Подвижки? Свидетели?

— Сожалею, пока нет, господин полковник, — с видом человека, смирившегося со своей участью, отвечал следователь. — Однако мы работаем.

— Пока нет? Работаете?! — повторил полковник и зловеще понизил голос: — Вы понимаете, что это значит? Мэр в ярости, городской совет требует найти и наказать, а начальник полиции может вот-вот уйти в отставку... Как хотите, но чтоб поймали мне этого Кукольника!

Все закивали, однако энтузиазма не выказали.

Я же рисовала в блокноте бабочек, глаза и молнии.

Мердок тоже помалкивал, зная, что лучше не соваться начальству под горячую руку. В этом обшарпанном кабинете он

выглядел как принц крови на помойке: безупречно белая рубашка, галстук стоимостью с подержанный автомобиль, костюм под стать и обманчиво скромные часы — непритязательные, если не знать, какое клеймо таится под крышкой. А странно, кстати, не на зарплату же Мердок так одевается! Хотя я вообще знала о нем немного, он совсем недавно к нам перевелся.

Полковник уступал франтоватому следователю по всем статьям, знал об этом, но явно воспринимал ситуацию философски. Зато все были в курсе, что он очень переживает из-за ширящейся с годами лысины. Обратни стареют быстро, и его «под пятьдесят» — это уже довольно солидный возраст, вот-вот на пенсию будет пора.

— Ладно, — тяжело вздохнул Чандлер и саданул ладонью по столу. — На сегодня свободны!

Все с облегчением зашевелились и начали расходиться. Я сидела в дальнем углу, поэтому сбежать не успела: в открытую дверь формально постучали, и в кабинет заглянул дежурный.

— Ну? Чего тебе еще? — недовольно спросил Чандлер.

— Господин полковник! — вытянулся во фронт тот, даже пузо поджал. — Тут передали посылку для домашнего Стравински.

И показал аккуратный пакет размером чуть больше моей ладони.

— Чего-о-о? — Лицо полковника опять на глазах налилось нездоровой краснотой. — А ну давай сюда!

— Простите, господин полковник, — возразила я, резко вскочив на ноги. — Позвольте сначала я. Вдруг там... проклятие или яд?

— Вот еще! — Чандлер насупился. — Чтобы ваша бабушка мне голову открутила? Ну!

И повелительно протянул руку. Что оставалось делать бедному дежурному? Только вложить в его ладонь посылку. Мне же достался извиняющийся взгляд.

Я пожала плечами и села на место. Ну что стоило этому олуху дожидаться, пока я выйду?!

Полковник поднес пакет к лицу и тщательно его обнюхал, забавно шевеля не по-человечески подвижным кончиком носа. Затем нахмурился еще сильнее и резким движением вскрыл упаковку. Несколько мгновений он тупо смотрел на

посылку, затем вытряхнул на ладонь что-то, даже в тусклом свете переливающееся льдисто-голубым.

В кабинете наступила звенящая тишина, только дежурный гулко сглотнул.

Затем Мердок встал и подошел к столу полковника. Вежливо извинившись, забрал из рук оцепеневшего начальника пакет, поднял к свету ожерелье и констатировал:

— Бриллианты. Осмелюсь предположить, украденные этой ночью. Как вы можете это пояснить, домовый Стравински?

В первое мгновение мне стало не по себе в перекрестье взглядов, а затем я разозлилась и встряхнулась:

— Вы обвиняете меня в связях с Кукольником?

— Полагаете, для этого нет оснований? — Мердок бросил ожерелье на стол и, вынув листок бумаги, прочитал с чувством: — «Красавицам, как и алмазам, нужна огранка. Кукольник». Как прикажете это понимать, домовый?

Я подняла бровь и предположила:

— Как намек, что он считает меня неотесанной?

Эта немудреная шутка успеха не имела.

Полковник выставил караульного, велел ему закрыть дверь, и, подперев голову рукой, произнес мрачно:

— Мердок в чем-то прав. Может, вас пока отстранить от работы, а, домовый Стравински? Какие-то подозрительные у вас связи с этим преступником.

Я всерьез обиделась и прибегла к нечестному приему.

— Как прикажете. — Я сладко-сладко улыбнулась и добавила: — Только бабуля удивится, увидев, что я сижу дома. Придется сказать ей, что меня заподозрили в соучастии.

Обычно бабуля предоставляла мне самой выпутываться из неприятностей — если они не пятнали славное имя Стравински.

Мердок не дрогнул, а вот наш начальник тут же пошел на попятную.

— Ну, Стравински, не надо так волноваться, — заюлил он. — Вы же понимаете, мы должны рассмотреть все версии!

— Понимаю, — мрачно буркнула я.

— В общем, так! — Полковник хлопнул ладонью по дубовому столу (единственному по-настоящему дорогому предмету интерьера, но другая мебель темперамент нашего начальства просто не выдерживала). — Стравински, раз уж вы в этом деле и так по уши, будете помогать Мердоку. В свободное вре-

мя, от основной работы вас никто не освобождает. Все понятно?

— Но... — начал следователь, который не ожидал такого поворота, однако Чандлер больше не собирался с ним миндальничать.

— Это приказ, Мердок! Вам ясно? — И вперил в него взгляд покрасневших от недосыпа глаз.

— Ясно, — процедил следователь. — Разрешите исполнять?

— Мердок, — вздохнул Чандлер, расстегивая вдруг ставший тесным ворот рубашки. — Не ерепеньтесь. Если вы, случаем, позабыли, то напоминаю, что Стравински у нас спец по хищениям ценностей.

— Сокровищ, — поправила я хмуро.

— Не вижу разницы, — заметил Мердок, остановившись напротив.

Я криво улыбнулась:

— Всякое сокровище — ценность, но не всякая ценность — сокровище.

Господин следователь смерил меня скептическим взглядом и поднял бровь.

— Так, а ну марш отсюда оба! — рявкнул начальник. — Приказы не обсуждаются. Работайте!

Пришлось идти, куда послали...

— Стравински, извольте следовать за мной! — бросил Мердок и, не оборачиваясь, зашагал к своему кабинету.

Правда, дверь передо мной вежливо придержал. Вот это воспитание!

Берлога Мердока отличалась от остальных кабинетов в отделе, как сам он отличался от прочих полицейских. Здесь было безупречно чисто, аккуратно и все выглядело очень-очень дорого. Интересно, когда он допрашивает всяких мелких ворюшек, он следит, чтобы отсюда ничего не сперли?

Хотя что это я? Следователь Мердок до мелюзги не опускается, а убийцам и насильникам не до интересера.

— Присаживайтесь, домовой, — предложил он сухо. — Я внимательно слушаю все, что вы можете поведать о Кукольнике.

Приглашению я не последовала: осталась стоять напротив стола. Раз уж я то ли подчиненный, то ли подозреваемый...

— Послушайте, господин следователь, — с раздражением начала я. — Я ничего не знаю о Кукольнике!

Он взглянул на меня с неприкрытым сомнением:

— Хм?

— Точнее, знаю не больше, чем уже рассказала! — поправилась я.

Еще с минуту он так внимательно меня рассматривал, что захотелось подбочениться и спросить кокетливо: «Нравлюсь?»

Видимо, на моем лице что-то такое отобразилось. Или же Мердок сам наконец пришел к определенному мнению.

— Ладно. — Он устало потер переносицу и повторил настойчиво: — Присаживайтесь, Стравински. Давайте попробуем работать.

Я не торопилась принимать это завуалированное предложение о мире, но и нарываться было бы глупо.

Опустилась на краешек мягкого кожаного кресла, сложила руки на коленях и вопросительно посмотрела на следователя. Очень хотелось курить, но в его кабинете об этом не стоило и думать.

— Давайте начнем с самого начала. — Он взял карандаш и принялся крутить его в руках. — Насколько я понял со слов господина полковника, вас часто привлекают к расследованию краж? Отчего так?

Что там Роза говорила о «бархатном» взгляде? Сейчас глаза следователя больше походили на алмазные сверла.

— А вы не знаете? — удивилась я.

— Увы. — Он положил карандаш и чуть подался вперед. — Не имел чести быть посвященным в эту тайну.

Ах да! Он ведь в наш район перешел всего с месяц назад и кражами никогда не занимался. Мердоку поручали ловить рыбу покрупнее.

Собственно, поэтому с Мердоком мне пока работать и не доводилось. К моей помощи вообще прибегали не часто, а он больше по части особо тяжких.

Но теперь придется выложить козыри на стол.

— Скажем так, — начала я, тщательно подбирая слова, — у меня есть некоторые... способности, помогающие находить украденное.

Мердок сузил глаза:

— Могу я осведомиться о природе ваших способностей?

Я невесело улыбнулась и прямо посмотрела на него. Никто до сих пор этим открыто не интересовался. Коллеги кое-что

подозревали, но дареному коню в зубы не смотрят, поэтому любопытством меня не изводили.

— Наследственность, — призналась я. — Тяжелая.

Мердок задумался, хотя о чем тут думать? Все равно придется работать вместе. Полковник прав: приказ есть приказ.

— Хорошо, — наконец кивнул следователь и снова откинулся на спинку кресла. — Предположим, вы можете почуять... сокровища, так вы сказали?

— Да, — нехотя признала я.

Он кивнул каким-то своим мыслям.

— Так почему, позвольте спросить, вас ранее не привлекли к этому делу?

Надо отдать ему должное. Въедлив, дотошен и невыносимо зануден — но, безусловно, умен. Сразу зацепился за несоответствие.

— Потому, что я ищу только сокровища, — повторила я терпеливо. — Не мелочи, не деньги, не людей. Только сокровища. Это понятно?

Под конец в голосе все же прорвалось раздражение, и я заставила себя глубоко вздохнуть. Мердок не виноват, и надо взять себя в руки.

— Любопытно, — чуть смягчившись, заметил он. — Следовательно, до сих пор Кукольник не подставлялся? Интересно, а что им движет?

— Поймаем — спросим, — буркнула я, отводя взгляд.

Мердок не обиделся.

— Как полагаете, Стравински, отчего он присылает вам эти посылки? Быть может, это ваш знакомый или, скажем, поклонник?

От неожиданности я чуть не упала с кресла и вытаращилась на Мердока:

— Вы с ума сошли!

Получилось излишне эмоционально, но он только скупой улыбнулся:

— Почему нет, Стравински? Вы красивая молодая девушка, вполне понятно, что у мужчины могут возникнуть к вам нежные чувства.

А взгляд серьезный и внимательный, я бы даже сказала, изучающий.

— Спасибо, конечно, — усмехнулась я, — только как-то это... мелодраматично.

Хотя такой вариант, признаю, нравится мне больше, чем подозрение в соучастии.

— Если у вас имеются иные версии — излагайте, — благодушно разрешил следователь. — Кстати, хотите чая? Кофе?

— Нет, спасибо, — отказалась я вежливо. А, ладно, наглеть так наглеть! — Но я бы закурила. — И добавила поспешно: — Если вы не против!

Мердок тяжело вздохнул, однако лекцию о вреде курения читать не стал. Только поднялся, распахнул форточку, выдал мне в качестве пепельницы блюдце и лишь тогда разрешил:

— Можете курить, Стравински.

На мгновение мне захотелось попросить его называть меня по имени, но я не рискнула. Еще вообразит, что я с ним заигрываю!

Отгнав дурацкую мысль, я вынула сигареты.

— Итак, жду ваших соображений, домовой, — напомнил Мердок, вежливо дождавшись, пока я закурю.

Надо же, я опять «домовой». Хотелось напомнить, что домовым инициативу проявлять не положено — мы же тупые исполнители!

Но не стоило лезть в бутылку — за исключением этого выпада следователь старательно держался на равных, — поэтому я призналась честно:

— Думаю, он просто сумасшедший. Ему нравится играть с полицией. Ну, не знаю, противопоставлять свою силу и хитрость нашим.

— Отчего же тогда он выбрал именно вас, Стравински? — парировал Мердок. — Ведь вы не занимались этим делом.

Я только развела руками:

— Понятия не имею. Может, он наблюдал за тем зомби, которого я взяла? Кстати, по нему что-нибудь есть?

— Ровным счетом ничего, — поморщился Мердок. — Ни четкой ауры, ни физических следов. Лишь очень смутные и размытые энергетические отпечатки, которые не дают возможности идентифицировать некроманта. Наши эксперты уверяют, что такое невозможно. Какой-то...

И добавил кое-что еще, не вполне вежливое.

Я невольно улыбнулась и раздавила сигарету в блюдце, стараясь не задумываться о его стоимости.

Надо же, а он тоже человек! Зря я считала его бесчувственным истуканом.

— Чему вы радуетесь, Стравински? — осведомился Мердок крайне холодно, подпортив впечатление.

Пришлось срочно сгонять с губ компрометирующую улыбку.

— Совпадению вашего и моего мнения о ситуации, господин следователь! — отрапортовала я бойко, преданно пожирая его глазами.

За время работы в полиции я освоила этот трюк безупречно.

«Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак!» — как любит повторять бабуля, с которой я репетировала тот самый «вид лихой и слегка придурковатый».

Мердок вздохнул, снова устало потер переносицу и предложил вдруг:

— Стравински, давайте мы с вами обойдемся без официоза? Разумеется, не при посторонних. Так или иначе, мы вынуждены работать вместе.

«Вынуждены» мне не понравилось, но я это проглотила.

— И как мне вас называть?

— Мердок, — предложил он ровно. — Обращаться друг к другу по имени будет излишне, а вот по фамилии в самый раз.

«Зануда!» — подумала я с досадой, а вслух сказала:

— Договорились... Мердок.

Он кивнул.

— Итак, вы не подозреваете, кто это мог быть?

— Увы. — Я с тоской покосилась в окно.

Там солнышко, птички... а мне тут разглагольствования Мердока выслушивать!

Сколько можно об одном и том же?

— Боюсь, так мы ни к чему не придем, — заявил он, словно подслушав мои мысли. — И все же любопытно, почему он изменил правила игры? Ведь не было никакой угрозы — ни улики, ни свидетелей, ничего. Любопытная загадка...

Следователь задумчиво постучал пальцами по подлокотнику и поднял глаза на меня:

— И если принять в расчет вашу версию, Стравински, то почему именно вы? Зачем затевать игру *с вами*?

На этот счет у меня уже был готов ответ:

— Бабушка.

Мердок пристально на меня посмотрел и растянул губы в вежливой улыбке:

— Действительно, как это я запомнил? Ведь вы представляете интерес только как внучка своей бабушки, так?

В голосе его звучала отчетливая насмешка. Кажется, мне наконец удалось вывести безупречного и невозмутимого следователя из себя.

— Именно. — Я пожала плечами (смысл отрицать очевидное?) и осведомилась нетерпеливо: — Может, я все же попробую поискать?

— Попробуйте, — великодушно разрешил Мердок. — Что вам для этого понадобится?

Поддав соблазн затребовать свечи из человеческого жира и рог единорога, я перечислила, загибая пальцы:

— Вещь из клада, подробная карта города, карандаш. — Подумала и добавила на всякий случай: — И пять минут тишины.

— Сделаем, — пообещал Мердок и стремительно вышел.

Хм, я почему-то думала, что он кому-то позвонит...

Вернулся он быстро, разложил на своем письменном столе добычу:

— Взгляните, Стравински, это подойдет?

— Вполне, — ответила я, бросив мельком взгляд на карту, придавленную сверкающими бриллиантами.

Коснулась кончиком пальца камней, скрепленных тонкой вязью цепочки. Белое золото? Платина? Да какая разница? В протоколе все равно напишут «металл белого цвета».

Придвинула кресло поближе (Мердок почему-то дернулся), вынула из сумочки зеркальце и положила перед собой.

Так, карандаш в одной руке, украшение в другой, смотреть в зеркало...

Поехали!

Частица чего-то всегда стремится воссоединиться с целым. Это аксиома.

А клад — это не просто набор ценных предметов.

Наверное, что-то подобное чувствует собака, когда идет по следу. Чутье вело меня дальше, дальше... и вдруг я словно с разбега врезалась лбом в стену.

Больно! Я встряхнула головой и попробовала еще раз, с тем же результатом. А если вот так?

— Стравински! — вырвал меня из транса знакомый голос. — Да очнитесь же, Стравински!

Мердок с силой встряхнул меня, а затем отвесил пощечину.

— Эй, больно же! — возмутилась я, потирая щеку.

Я обнаружила, что почти лежу на столе, а с противоположной стороны на него навалился Мердок, который держал меня за плечи.

Хорошо хоть водой поливать не стал, а то карта бы раскисла. Хотя от нее и так мало проку.

— Вы в порядке, Стравински? — осведомился он.

На впалых щеках Мердока уже проступила щетина. Похоже, бриться ему приходится дважды в день.

— В полном, — буркнула я. — Зачем нужно было меня трясти?

— А вы полагали, я должен безразлично смотреть, как вы бьетесь в припадке?

— Это был не припадок. — Я отвела взгляд. Мердок был так близко, что я чувствовала тонкий запах его одеколona. — Я просто потеряла след.

— И поэтому намеревались побиться головой об стол? — Он поднял бровь, зато наконец меня отпустил. — Насколько я понимаю, Стравински, попытка успеха не возымела?

И показал глазами на карту, исчерканную загогулинами.

— Ну, — я вздохнула, — теперь мы знаем, что он где-то на левом берегу Бирюзовой.

— Ценнейшая информация. — Мердок откинулся в кресле и подложил ладони на подлокотники. — Две трети города расположены как раз на левом берегу.

— Извините, — буркнула я, — что могу.

И потеряла ноющий лоб.

— Если хотите, можете курить, — сжалился Мердок. — И все же, Стравински, в чем может крыться причина вашей неудачи?

«Крыться причина», надо же!

Когда болит голова, за такие словесные конструкции хочется убивать. И да, я была зла и растерянна.

— Спасибо. — Я ухватилась за сигарету, как за соломинку. И только через минуту достаточно пришла в себя, чтобы предположить неохотно: — Похоже, этот Кукольник действительно много обо мне знает. И в курсе, как надежно спрятать ценности.

— И как же?

Я торопливо затягивалась, а Мердок терпеливо наблюдал. Даже не морщился от дыма!

— Варианта два: огонь и вода. — Я с силой раздавила окурок и подняла взгляд на следователя. — Или украшения переплавили, или бросили в какой-то водоем.

— Пожалуй, вариант с переплавкой оставим напоследок, — решил он. — Хотя в этом могла скрываться определенная ирония. Заставить нас искать то, что более не существует. А размер водоема имеет значение?

— Нет. — Я покачала головой. — Река, озеро, водохранилище — выбирайте любой вариант. Да хоть та же Мокрая.

Столь оригинальное название носила речушка (скорее даже ручей), на берегу которой стоял наш дом.

— Предлагаете отправить водолазов прочесывать дно? — скептически осведомился Мердок, и я разозлилась.

— Послушайте, чего вы от меня хотите? — резко спросила я, вставая, и отчеканила: — Я не вижу этот клад. Довольны?

— Разумеется, нет, — невозмутимо откликнулся следователь. — Сядьте, пожалуйста, Стравински. Скажите, а кто может быть осведомлен о таких нюансах ваших способностей?

— Кто? — тупо повторила я.

— Мне потребуется список, Стравински, — терпеливо пояснил Мердок. — Кто из ваших родственников и друзей мог об этом знать? И, конечно, коллеги, если они в курсе таких деталей.

— Да идите вы... — устало сказала я, сообразив, что он это всерьез. — Может, этот кто-то просто хорошо знает теорию. И вообще, это могла быть случайность. Повезло ему.

— Возможно, — подумав, согласился Мердок. — Итак, у нас по-прежнему ни улики, ни свидетелей, ни подозреваемых. Идеи есть, Стравински?

— Вы же у нас начальник! — напомнила я. Голова уже почти раскалывалась от боли, и мне было наплевать на субординацию и прочие расшаркивания. — Вам и карты в руки. Командуйте!

— Хорошо. — Следователь бросил на меня непонятный взгляд. — Пока можете быть свободны. Насколько я помню, у вас через час прием граждан?

— Да, — коротко ответила я.

Не оставалось даже сил удивляться, что он помнит такие мелочи.

— Значит, на сегодня вы свободны, — решил Мердок. — Только загляните к Ульву, возможно, появились какие-либо новости по зомби.

— Хорошо. — Я кивнула и поморщилась от боли. — До свидания!

— До свидания, Стравински! — откликнулся он, и я наконец вышла.

Не знаю, какой садист придумал для домовых форменную зауженную юбку, под которую к тому же следовало надевать туфли на каблуках. Обычно я сразу после планерки бежала в свой кабинет, стягивала этот кошмар и надевала нормальные брюки, но теперь пришлось мучиться.

Для начала я заглянула в морг. У большинства моих коллег это слово ассоциировалось с белым кафелем, хромом и стойким запахом антисептика, однако в нашем райотделе все было совсем иначе.

За дверью со строгой табличкой: «Морг. Вход только по предъявлению удостоверения!» цвели и пахли настоящие джунгли.

Просторное помещение под самой крышей превратилось в огромную оранжерею с сотнями и тысячами экзотических растений.

Представляю, сколько это все стоило!

Нашему патанатому прощали и не такое. За одну только способность с первого взгляда определять время и причину смерти все следователи готовы были на него молиться.

А чего стоил его метод «консервации» трупов! Ульв как-то объяснял мне, что применяет тот же принцип, который используют растения для сохранности плодов, хотя я поняла далеко не все. Главное, что тела оставались в изначальном состоянии. Это вам не банальная заморозка, после которой уже не разглядишь магических следов!

Я распахнула дверь и привычно задышала ртом — неподготовленный посетитель здесь мог запросто свалиться в обморок от густого цветочного запаха.

— Ульв! — крикнула я, остановившись на пороге. — Ты тут?

Вопрос был риторический — Ульв у нас затворник.

(Конечно, это не настоящее имя, но он предпочитал, чтобы его называли так.)

Он словно соткался из зелени листвы: дивный светлосый эльф, похожий на прекрасное видение.

Я помотала головой и поморщилась. Сочетание Мердока, магического поиска и здешней атмосферы совсем меня доконало. Скоро стихами заговорю!

При ближайшем рассмотрении эльф оставался столь же прекрасным, но вполне земным (от него даже пахло потом!).

Он с одного взгляда понял мое состояние и молча взял за руку, не став терзать высокопарными приветствиями. Впрочем, Ульв в любом случае недолюбливал витиеватый слог, которым так часто грешили его сородичи.

По-моему, он даже бравировал этой простотой, как и работой в морге, немыслимой для настоящего *кошерного* эльфа...

Пять минут спустя я уже сидела на полянке, заменявшей Ульву гостиную.

В руках у меня была чашка кофе, в зубах сигарета, а в голове — восхитительная легкость.

— Спасибо! — от души сказала я, отхлебнув ароматный напиток.

— Мелочи, — отмахнулся Ульв, присев на стул напротив. — Ты что-то хотела, Ани? Давно не заглядывала.

Друзей у него было немного, и я старалась забегать к нему раз в неделю-две.

Ульв почти не покидал свой морг, как он любит шутить, деля время между жизнью и смертью, то есть между цветами и трупами.

Я крепко подозревала, что это было причиной, а не следствием его изгнания. В отличие от более легковверных гномов, оборотней и драконов остроухие не пожелали жить рядом с недавними врагами. Эльфы давно заперлись в своей резервации и носа оттуда не казали, высокомерно игнорируя весь остальной мир. И всякие чудачки у них быстро становятся персонами нон-грата.

— Я поганка, — призналась я честно. — Прости, совсем забегалась.

— Ничего. — Ульв плавно повел рукой, отмечая извинения. — И что привело тебя сюда?

— Мердок, — вздохнула я.

— А, дело Кукольника, — понимающе кивнул он и заправил за острое ухо светлую прядь. — Ты-то как оказалась в этом замешана?

— Не спрашивай. — Я отхлебнула еще кофе и осведомилась без обиняков: — Так что, какие новости?

Ульв еле заметно поморщился:

— Почти ничего, но кое-что любопытное есть. Минуту.

Он исчез, а я торопливо допила кофе.

Ульв вернулся очень быстро, и за ним топал мой старый знакомец зомби, лишившийся большей части одежды и пластины на груди.

— Вот, взгляни. — Эльф шевельнул пальцами, и поднятый мертвец послушно повернулся филейной частью, спустив штаны до ягодиц.

На пояснице у него чернел какой-то странный символ, похожий на корявого человечка. В духе детского «палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек».

— Что это значит? — поинтересовалась я жадно, жалея, что не прихватила с собой блокнот.

— Понятия не имею, — ответил Ульв равнодушно. — Это уже твое дело. Вероятнее всего, какое-то заклятие. Или, может, тавро. Скажешь Мердоку, пусть зайдет вечером. Я подготовлю отчет.

Он терпеть не мог что-то обсуждать до составления письменного заключения, поэтому я оценила оказанную милость. Но не обрадовалась.

— Ну спасибо, — буркнула я. — А найдется где зарисовать?

Эльф кивнул и раздобыл откуда-то лист бумаги и ручку.

Я давно привыкла к таким небольшим чудесам, которые Ульв творил не задумываясь, походя. А ведь сколько ни старайся, не найдешь, где хранятся все эти бесчисленные бытовые мелочи!

С рисунком я управилась за каких-то пять минут.

Так, теперь быстро занести его Мердоку и бежать на прием.

— Его можно отпускать? — флегматично осведомился Ульв, когда я закончила. — Или он тебе нужен?

Я сомневалась, что из несчастного зомби можно вытрясти что-то еще, но на всякий случай решила:

— Лучше пусть пока поживет. — Я сложила листок, спрятала в карман и только потом спохватилась: — Да, ты же мне череп обещал! Будет?

Надеюсь, премию Мердок не зажилит.

Ульв отдал бы мне какие-нибудь ненужные останки и бесплатно, но, как говорится, дареное не дарится. А я же для бабули!

— Поищу, — пообещал он весело. — Может, как раз этого красавца и использую, если его не опознают.

— Можно сказать, трофей, — усмехнулась я, и эльф улыбнулся мне в ответ.

— Беги уже!

Я посмотрела на часы и правда побежала...

Мердока в кабинете не оказалось.

Пришлось впопыхах черкнуть ему несколько слов и оставить записку у дежурного.

И я помчалась к себе...

Моя «берлога» — кабинет в дальнем крыле местной школы, с отдельным входом и трогательной клумбой перед ним. На скамейке у двери уже ждали трое, и, судя по их настрою, задержись я еще на полчаса, драки бы не миновать.

— Опаздываете, госпожа домовой! — попеняла мне бойкая старушка в трогательном платочке.

Две гномки кивнули в знак приветствия и продолжили репираться.

Я вздохнула и вынула ключи.

— Исключительно в интересах следствия!

— Ой, да неужто того охальника нашли? — Глаза бабки Марьи сразу заблестели. — Ну этого, как его... Кукольника!

— Ищем, — веско ответила я. — Кое-какие подвижки есть. Только никому, ладно?

Она закивала, а я улыбнулась про себя. Уже к концу дня половина города будет знать, что полиция буквально носом землю роет и вот-вот сцапает Кукольника. Вдруг это заставит его допустить какую-нибудь оплошность?

Может, и глупо, но умных мыслей у меня не нашлось.

Впечатленная новостями, бабушка Марья позабыла, зачем пришла, и разом исцелилась от хромоты, сердечных болей и радикулита. Вон как резво припустила к местному стихийному рынку — настоящему кладезю слухов и сплетен! Хотя слово «клоака» подходит больше.

Я забрала почту из ящика, который буквально разбух от писем, и бегло просмотрела конверты. Так, это ожидаемо... это понятно... В самом низу стопки меня подстерегал неприятный сюрприз: рецидивист Сидоров по кличке Профессор освобожден из мест лишения свободы! Причем выпустили его еще неделю назад, а мне удосужились сообщить только теперь.

Еще одна проблема.

Может показаться, что на моем участке живут сплошь противоправные элементы. На деле улочки мне достались тихие, просто общаюсь я в основном с самыми буйными жильцами: алкоголиками, хулиганами и тунеядцами. И, конечно, с бесчисленными жалобщиками. Эти вроде бы безобидны... примерно как понос.

Первыми в мой кабинет ввалились сестры Эдукан. Гномки не преминули потолкаться плечами в дверях и чуть не выломали косяк.

Угомонились они только после моего рыка:

— По очереди! — Подумав, я уточнила: — Старшая — первой.

Сестры неприязненно переглянулись, и Бранка уступила Сигге, которая была старше на целых пять минут.

Спор их я слышала раз сто: сестры препирались, кому какая часть дома принадлежит. Одна жилая комната выходила окнами на юг, другая на север. Следовательно, в первой было уютнее зимой, а во второй летом. Так что обострения семейных отношений случались как раз в межсезонье.

Честно говоря, их мелкие склоки надоели мне настолько, что терпения хватило ненадолго. Сколько можно уговаривать и мирить?!

В общем, я послала их на три буквы... то есть в суд.

Гномки на меня обиделись. Как же, такого развлечения лишили! В суде-то цирк устраивать не позволят, и повторно туда не обратишься...

— Мы думали о тебе лучше! — заявила Сигге и промаршировала к выходу.

Ей недоставало только рогатого шлема и боевой секиры.

— От тебя мы такого не ожидали! — вторила ей Бранка.

Сестры вышли, и я выглянула в окно. Они рука об руку направилась к своему дому (как раз через дорогу), беседуя вполне мирно. Видимо, помирились на почве недовольства мной.

Дурдом!

Я вздохнула, мечтая о пяти минутах тишины.

Передохнуть мне не дали: дверь снова распахнулась, и в мой кабинет вплыла дама.

Комната, и без того небольшая, сразу стала возмутительно тесной.

Говорят, черное стройнит, однако пышным телесам посетительницы это было как мертвому припарка. Трикотаж без-

жалостно обтягивал все складки и изгибы фигуры, тонкие бретели платья впились в белоснежные плечи, а кокетливая шляпка леопардовой расцветки дополняла это великолепие.

— Здравствуйте, мадам Цацуева, — уныло поприветствовала я.

— И про какое здоровье вы таки говорите?! — агрессивно начала она, легким движением бедра закрывая дверь. — Я хую от такого безобразия!

По-моему, сбросить десяток-другой килограммов ей бы не повредило, но высказывать это я поостереглась.

— У вас есть *новые* жалобы? — поинтересовалась я сухо.

Слово «новые» было ключевым. Хобби мадам Цацуевой — кляузничество — до печенок достало всех соседей. А уж как это опротивело мне!

— Таки да! — согласилась она едко. — А вам, милочка, за это деньги платят! Вот и работайте!

Я только вздохнула, проглотив крутящийся на языке ответ.

— В письменном виде?

— А как же! — Мадам Цацуева задрала все три подбородка. — И на копии вы мне распишитесь. А то я уйду, а вы фють — и выкинете мое заявление!

И указала глазами на корзину, действительно переполненную бумагами.

Сдержалась я с трудом.

— Позвольте? — и требовательно протянула руку.

Мадам Цацуева вручила мне десяток листков, исписанных убористым почерком, и я чуть не застонала.

А ведь придется проверять! Еще и ответы писать. Закон об обращениях граждан, будь он неладен.

— Присаживайтесь, — предложила я, бегло просматривая бумаги.

— Я постою! — гордо отказалась визитерша.

Подозреваю, она попросту опасалась, что стулья не выдержат такого напора красоты.

Первая жалоба ожидаемо касалась Ихтиара. Мадам Цацуева невзлюбила бедного водяного с первой встречи и теперь не упускала случая обвинить его хоть в чем-то.

На этот раз она утверждала, что Ихтиар держит наркопритон, — дескать, сама видела ночью крайне подозрительную личность на его участке. Небось за дозой приезжали!

— Пойдите, — я помотала головой, — а как вы могли это увидеть? Ведь было темно?

— У меня бессонница! — чуть визгливо парировала дама, выпятив пышную грудь. — А шо, честной гражданке уже и проснуться ночью нельзя?!

Голос у мадам Цацуевой подкачал — к таким габаритам больше подошло бы сочное контральто.

— Можно, — вздохнула я. — Только не говорите, что у вас есть прибор ночного видения.

Насколько я знала, в жилах мадам Цацуевой не текло ни капельки крови волшебных народов, так что ее зрение должно быть в пределах человеческой нормы.

— Я и без него отлично все разглядела! — Она оскорбленно поджала губы и перешла в наступление: — Вы хотите сказать, шо я вру?!

— Нет, что вы. — Я пошла на попятную, отлично зная, что мадам не преминет при случае накатать кляузу и на меня. Эх, привлечь бы ее за заведомо неправдивое сообщение о преступлении! Кстати, а это мысль. — Проверим. Так, а тут что?..

И сделала вид, что увлеклась изучением следующей жалобы.

Впрочем, к концу страницы мой интерес стал непритворным. Героем сего заявления был Хельги, младший из семейства троллей.

Для верности я перечитала дважды. Пристальный взгляд мадам Цацуевой не позволял мне рассмеяться вслух, хотя очень хотелось.

— Кхм, я правильно поняла, — начала я медленно, отложив ее писанину в сторону, — что он напал на вас и насильно поцеловал?

— Принудил! — подтвердила мадам, обмахиваясь ладошкой. — Хулиган!

Прозвучало... томно.

Я вообразила эту сцену в красках: теплый летний вечер, мадам Цацуева в полупрозрачном одеянии, юный тролль, при виде такого зрелища потерявший голову от страсти...

Пожалуй, эта картина стоила того, чтобы увековечить ее на полотне какого-нибудь живописца! «Барышня и хулиган».

— И чего вы хотите? Привлечь его к ответственности за... мелкое хулиганство? — Последнее я произнесла с сомнением. Надеюсь, она не будет утверждать, что имела место попытка изнасилования? — Но он ведь несовершеннолетний.

— Пусть подрастет. — Мадам повела плечом с милыми ямочками. — А потом — женится!